

Надежда Максимова



***На вас
вся надежда***

Надежда Максимова

**На вас вся надежда.
Код Андрея Рублева–2**

«Издательские решения»

Максимова Н.

На вас вся надежда. Код Андрея Рублева–2 / Н. Максимова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504493-8

Конфликт отцов и детей. Они не понимают нас, мы не понимаем их. Почему?
Чем они живут? Что думают? Где найти дело, способное вдохновить и
объединить? Где та великая цель, ради которой не жалко умереть? Ради
которой стоит жить!

ISBN 978-5-00-504493-8

© Максимова Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

На вас вся надежда Код Андрея Рублева—2

Надежда Максимова

*Посвящается моим родителям.
С благодарностью за все.*

*«Хочешь услышать глупость —
послушай рассуждения иностранца о России».
А. С. Пушкин*

© Надежда Максимова, 2019

ISBN 978-5-0050-4493-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– Эй ты, Бог! Ты что, бл... ь, ослеп?

Иван остановился, как вкопанный.

– Это он не тебе, – тихо сказал Али, останавливаясь за его плечом.

– Я вижу.

Бомжового вида старик стоял, задрал лицо к небу, и истоиво грозил кому-то там корявым кулаком.

– Ты, на х..., совсем что ли там? – страстно продолжал старик, покачиваясь то ли от слабости, то ли оттого, что уже успел сегодня приложиться к бутылке. – Сколько можно?! Забери меня отсюда!

– Всем не поможешь, – так же тихо шепнул Али.

– Я знаю.

– Судя по его состоянию, ему осталось месяца два, не больше. Так что он богохульствует совершенно напрасно.

– Я понял.

Между тем неистовый порыв изможденного старца погас. И теперь, стоящий неподвижно, с потухшим пустым взглядом, он более всего походил на заблудившегося в современном городе зомби.

– И что ты собираешься делать? – спросил Али, оглядываясь по сторонам.

– Пока не знаю. Надо...

Продолжить Иван не успел, потому как в этот момент старик, словно вспомнив заложенную в мозг программу, повернулся и деревянной походкой двинулся в направлении ближайшего подъезда.

– Давай за ним, – определился Иван.

Как оказалось, войти в квартиру можно было совершенно беспрепятственно. Такое понятие как замок или хотя бы задвижка здесь отсутствовало в принципе. Более того, дверь давно была сорвана с петель, так что жильцы, желая уединиться (или, например, защититься от сквозняков) просто прислоняли дверное полотнище к ободранным косякам. Но не в данный момент. Сейчас дверь просто стояла, косо приваленная к стене, и дверной проем, ничем не прикрытый, зиял, как разверстая рана.

Мальчики отчетливо видели, как пожилой зомби перешагнул порог, но вот так сразу последовать за ним в открывшееся помещение не получилось. Нет, никаких препятствий чисто физического плана не существовало. Но дух оттуда, из глубины, шел настолько густой, что всякого посторонне-любопытствующего останавливало на входе надежнее, чем сейфовый замок.

Иван честно попытался шагнуть внутрь, но через минуту обнаружил, что организм сопротивляется – вместо движения вперед получалось какое-то топтание вправо-влево. «Наверняка там всякой заразы полно, – пискнула в сознании паническая мысль. – От вибрионов холеры до палочки Коха. Оно нам надо?»

Внизу хлопнула тяжелая подъездная дверь и через минуту мимо застопорившихся у входа мальчиков прошла толстая тетка с сумками. Взгляд, которым она одарила незнакомцев, трудно было назвать дружелюбным. Впрочем, своей неприязни она никак не высказала и пыхтя постаралась побыстрее убраться на свой этаж.

Мимо ног мальчиков неслышной тенью скользнула кошка.

Бестрепетно преодолев порог, она мягко прошла меж куч гниющего на полу мусора и улеглась на каких-то тряпках, видимо составляющих ее гнездо.

– Гляди, кошка там живет...

Али только вздохнул в ответ.

Иван, наконец преодолев брезгливость, сумел шагнуть внутрь.

Как выяснилось, загаженное помещение некогда было трехкомнатной квартирой. Причем, несмотря на явные признаки наличия жителей (кучки дерьма на полу) в ней отсутствовали даже самые примитивные предметы мебелировки. Нет, речь не шла о стульях или кроватях. Здесь не было даже унитаза, а вместо осветительных приборов и электровыключателей из дыр в бетоне торчали растопыренные провода. Вряд ли это было опасно – судя по всему, электричество в данном жилище отключили уже давно.

В маленькой комнате на полу обнаружили три кучки тряпья, контурами напоминающие очертания человеческого тела.

– О, господи, – прошептал Иван. – Они живы?

На звук его голоса одна из куч пошевелилась.

– Как же они здесь живут?!

– Да, – так же тихо прошептал Али, – люди умеют создать себе свой персональный ад...

Старик-зомби обнаружился на кухне (признаками того, что здесь некогда готовилась пища, были следы вырванной с корнем плиты и забитая грязным деревянным клином газовая труба). Он сидел на подоконнике и жевал нечто, откусывая, от чего-то, спрятанного в горсти. Ивана едва не вырвало – даже мысль о том, что можно питаться в этом провонявшем падалью месте, вызвала острые судороги в желудке.

– И они живут здесь постоянно? – потрясенно прошептал мальчик. – Изо дня в день, каждую минуту видя и осязая все это вокруг?

Но особого времени на то, чтобы ужасаться и сопереживать, нашим героям не оставили.

– Стоять! – раздался громовой крик. – Руки за голову!

И в тот же миг, словно черти из коробочки, невесть откуда вдруг градом посыпались камуфлированные люди с автоматами и в черных масках.

Мальчиков швырнули к стене и весьма грубо обыскали.

– Кто такие? Имя? – требовательно рявкнул один из камуфлированных, сверкая сквозь прорези маски бешеными зрачками.

– Иван.

– Али.

– Кто такие? Документы!

* * *

– Как вы сами понимаете, – приветливо произнес зам. начальника РОВД в чине подполковника, – случай у нас с вами незаурядный.

Милицейский начальник был кругл лицом, улыбчив и внешне вполне добродушен. Но даже при его безукоризненной вежливости я, сидя на стуле перед его необъятным столом, чувствовал себя как разоблаченный агент вражеской разведки – пока вроде ничего страшного не происходит, но в перспективе...

Впрочем, пора представиться. **Я – Артем Петров**, радиофизик, кандидат наук. Не женат по призванию. В деньгах свободен.

Иван, задержанный сотрудниками ОМОНа в нехорошей квартире и подозреваемый то ли в употреблении, то ли в распространении наркотиков, – мой родной племянник. Его мать – моя младшая сестра, прислала парня на лето из Мурманска. Пусть, дескать, мальчик поживет в Москве, привыкнет к обстановке и поготовится к экзаменам...

Парню 14 лет, и поначалу он действительно показался мне толковым. Но, похоже, привыкать к реалиям столичной жизни он начал чересчур активно.

Али – 16-летний студент МГУ. Родом из Узбекистана. Иван познакомился с ним в первую же неделю пребывания в гостях. Я, в общем, не возражал, так как восточный искатель университетских знаний производил самое выигрышное впечатление: умен, выдержан, тактичен... А главное – чувствовалась в нем глубокая вера в собственные силы и какая-то солидность что ли...

И вот пожалуйста. Мальчишки – в «обезьяннике», а я – в кабинете руководства РОВД, и милицкий чин изоцряется по отношению ко мне в каких-то психологических этюдах.

– Если бы вы знали, – вещал чин, – сколько очень приличных людей вот здесь, в этих стенах, с ужасом узнавали, что их милые и интеллигентные дети приобщились к употреблению наркотиков.

– Но...

– Все верно, – не дал перебить себя чин, – на ваших мальчиках следов употребления нет. Пока нет, – поднял он указательный палец. – Вены чистые, в крови никакой дряни не обнаружено... Но можете ли вы объяснить: что, собственно, они делали в той квартире? В квартире, где мы уже неделю караулим наркокурьера? И куда ни один нормальный человек добровольно не полезет?

– А сами они...

– Сами они бормочут что-то невразумительное, – вздохнул чин и, оттолкнувшись обеими ладонями от гладкой поверхности стола, поднялся. – Точнее, бормочет только ваш Иван. А второй – Али, если не ошибаюсь, – вообще хранит гордое молчание.

И это при том, что один из них родом из портового Мурманска. А второй – из Узбекистана, через который к нам, в столицу идет нешуточный наркотрафик.

Вы понимаете, чем это пахнет?

– Пока я понимаю только то, – я побоялся, что он снова не даст мне высказаться и чуть усилил голос, – что у вас нет никаких оснований считать, будто мальчишки совершили что-либо противоправное. А значит их задержание незаконно. К тому же, Ивану еще только 14 лет, и возраста уголовной ответственности он не достиг.

Что же касается Али, то, как гражданин иностранного государства, он безусловно...

– Не надо, не надо, – милицкий чин энергично замахал на меня обеими ладошками. – Поверьте, уголовный кодекс я знаю. Причем не хуже вас. Речь не о том.

– Тогда о чем же?

– Вы смотрели когда-нибудь фильм «Чужой»?

Я удивился:

– Мы будем обсуждать мои пристрастия в кинематографе?

– Ни боже мой! – категорически отверг подполковник. – Просто есть в этом фильме страшенькая такая мысль: вот ты знаешь человека с детства, общаешься с ним, как с милым, интеллигентным и во всех отношениях приятным товарищем... А внутри у него уже сидит «чужой». Который пожирает его изнутри до тех пор, пока не останется одна пустая оболочка.

Поверьте, наркотик – это тот же «чужой». И что он делает с людьми – не дай вам бог никогда узнать.

Я не о наказании ваших мальчишек говорю, тем более, что формальных оснований для наказания пока действительно нет. Я к вам взываю: обратите на них внимание. Сейчас, пока прозвенел только первый звонок.

Да, наркотиков в крови не обнаружено. Но что-то же потянуло их в эту чертову квартиру, в этот притон!

Массу случаев знаю, когда ребята пробуют дурь из чистого любопытства. Или из стремления все сделать наоборот, назло старшим... И подсаживаются с первого раза. Попробовал –

все! «Чужой» уже внутри и будет жрать изнутри пока от прежнего человека не останется одна внешность. Да и то порченная.

– Вы меня пугаете.

– Именно! Потому что лучше испугаться заранее, пока еще есть время что-то исправить. Излечившихся от наркомании... Нет, я слышал, что есть какие-то положительные результаты, и даже определенная статистика, внушающая надежды... Но я лично не знаю ни одного случая. Запомните: ни одного!

А теперь идите в дежурную часть, забирайте своих мальчиков, и, я искренне надеюсь, что нам никогда больше не придется встретиться по такому прискорбному поводу. Идите.

* * *

Всю дорогу домой я молчал. Мальчишки плелись следом, хотя, судя по их физиономиям, виноватыми они себя не считали. Иван несколько раз пытался забежать вперед и что-то такое мне объяснить, но я пока к разговорам был не готов и упорно отворачивался.

Лишь дома, когда все мы, как на официальных переговорах, уселись в большой комнате за столом, я позволил, наконец, Ивану встретиться со мной глазами.

– Итак, узники совести, чувствую, что вы многое хотите мне сказать.

– Да! – немедленно и с жаром откликнулся родственник.

– Увы, я ничего не хочу слушать. Да-да, исходя из принципов гуманизма и презумпции невиновности, охотно предполагаю, что у вас были веские основания для попадания в «обезьянник». Но, следуя тем же, вышеназванным принципам, считаю, что должен немедленно принять какие-то меры. Конкретно – занять вас до упора серьезным делом. Излишек свободного времени, как любил говорить мой учитель Михаил Федорович, ведет к экспоненциальному нарастанию дурости.

– При чем тут экспонента-то, – обиделся Иван.

– При том, что отныне вы будете пахать, как папы Карло.

– Учить англо-русский словарь от сих до сих?

– Нет, потому как я не Доцент, а вы – не «Джентльмены удачи». Но, помнится, кое-кому из присутствующих еще две недели назад было дано задание по теме «Пираты Карибского моря». Я не ошибаюсь?

– Но ты же сам...

– То было в другой жизни. Когда вы еще не бродили по притонам и вас не забирали в милицию. А теперь жесткий спрос и контроль.

– Давайте я возьму тему пиратов, – подал голос доселе молчавший Али.

– Хорошо. А чем желает заняться второй исследователь злочной жизни?

– Я бы написал про Кулибина, – буркнул Ванька, демонстрируя явное несогласие с жестким стилем руководства.

– Почему про Кулибина?

– А мне не нравится, когда все с придыханием восклицают: вот, дескать, был великий гений Леонардо да Винчи, который изобрел парашют, танк, вертолет, велосипед, подводную лодку, и еще сто разных вещей... И никто не обращает внимания, что на практике у Леонардо ничего не работало, просто рисунки были симпатичные. Другое дело – Иван Кулибин. У моего тезки все изобретения действовали, причем не в модели, а в натуральную величину. Так что несправедливо, что о нем почти никто не знает.

– У твоего тезки? – с долей иронии переспросил я. Впрочем, повода для отказа не было, так что я кивнул: – Окей. Пусть будет Кулибин. Но работу сдать строго через неделю, потому что никаких отсрочек и отговорок я не приму. Будете привыкать к дисциплине.

Глава 2

«Вечный двигатель» Ивана Кулибина

Характеризуя Ивана Петровича Кулибина, энциклопедия Кирилла и Мефодия (КМ) сдержанно сообщает:

«Российский механик-самоучка (1735—1818). Изобрел много различных механизмов. Усовершенствовал шлифовку стекол для оптических приборов. Разработал проект и построил модель одноарочного моста через р. Нева с пролетом 298 м. Создал „зеркальный фонарь“ (прототип прожектора), семафорный телеграф и много др».

При чтении этого абзаца у неподготовленного человека возникает ощущение, что Кулибин был-таки довольно приличным изобретателем (вон, за ним числится и фонарь, и семафор и даже «много др.»). Но с другой стороны всего-навсего механик (типа слесаря) да еще и самоучка.

С высокоученым европейцем эпохи Возрождения рядом не поставишь.

Поэтому, нарушая традиции написания рефератов и научных статей, посвященных каким-либо персоналиям, начну не с биографических данных, а с загадки.

Итак, известно, что Иван Кулибин, родившийся на Волге и с детства видевший тяжелый труд бурлаков, изобрел самоходную баржу. Которая (внимание!) **сама шла против течения реки, используя** в качестве движущей силы само (вы не поверите!) **течение реки.**

Да-да, это не ошибка и не опечатка. Кулибин действительно создал баржу, которая **используя только силу течения шла... против течения.**

Это кажется невероятным. Невозможным. Противоречит базовым законам физики.

Судите сами: даже если добиться того, чтобы тяжелая баржа имела нулевой коэффициент трения о воду (что невозможно!), то судно в лучшем случае оставалось бы на месте. Не дрейфовало бы по течению в низовья реки.

А тут баржа своим ходом шла **ВВЕРХ.**

Это же просто вечный двигатель какой-то!

Парижская академия наук отказалась бы рассматривать такой проект, так как это невозможно, потому что невозможно никогда!

Но Кулибин-то не проект предоставил, а настоящую баржу. Которая при большом скоплении народа действительно была спущена на воду и **НА САМОМ ДЕЛЕ**, у всех на виду, шла против течения, не используя никаких внешних сил.

Чудо? Нет, реальность.

И теперь, когда вы это знаете, попробуйте сами (как никак мы жители XXI века, вооруженные знаниями и обласканные техническим прогрессом) сообразить, как механик-самоучка (!) XVIII века добился столь удивительного эффекта, используя самые простые и доступные каждому материалы.

Пока вы думаете, для обострения мыслительных процессов приведу несколько основополагающих принципов изобретательства. Разработанных, естественно, в XXI веке.

Итак,

Техническое решение считается идеальным, если нужный эффект достигается «даром», без использования каких бы то ни было средств.

Техническое устройство считается идеальным, когда устройства нет, но действие, которое оно должно делать, выполняется.

Способ, которым осуществляется техническое решение, является идеальным, когда расхода энергии и времени нет, но требуемое действие выполняется, причем регулированно. То есть столько, сколько надо и только тогда, когда надо.

Ну и в завершение: **Вещество**, используемое в техническом решении, считается идеальным, когда самого вещества нет, но его функция выполняется в полном объеме.

Вам не кажется, что деревенскобородый мужик-лапотник, а точнее механик-самоучка Иван Кулибин умел находить именно **ИДЕАЛЬНЫЕ** решения? Невозможные с точки зрения Парижской академии наук?

Но пойдем дальше.

В книге Александра Дюма «Граф Монте-Кристо» ярко живописуется, как титульный герой перехватил и исказил информацию, передаваемую при помощи **семафорного телеграфа** с испанского театра военных действий в Париж. Результатом стало обрушение биржи и грандиозное разорение одного из могущественнейших банкиров – врагов графа.

Ничего удивительного. Кто владеет информацией, тот владеет миром.

Хочется только подчеркнуть, что изобрел этот самый семафорный телеграф – Иван Петрович Кулибин.

Теперь **о прожекторе**.

Не забудем, что милостью ее императорского величества Екатерины II сын нижегородского купца-старовера Иван Кулибин был призван в столицу и там, в течение 32-х лет (с 1769 по 1801 год) заведовал механическими мастерскими Петербургской академии наук.

Петербург – город мореходный. А значит, подача световых сигналов в нем исключительно важна. Тут и маяки, ориентирующие суда и оберегающие их от попадания на мель, и передача информации с корабля на корабль...

До эпохи Кулибина суда для передачи сигналов использовали разноцветные вымпелы, поднимаемые на мачтах, и ручной семафор (лихой матросик с флажками). Понятно, что разглядеть эту красоту можно было только днем. На маяках ночью разжигали костры.

Но на деревянном судне открытый огонь слишком опасен, поэтому в море для освещения можно было использовать только свечу или фитиль, плавающий в плошке с маслом. Понятно, что мощность света от таких источников невелика и для передачи сигналов на сколь-нибудь приличное расстояние не годится. Так что ночью суда погружались во тьму и информационное молчание.

Изучив проблему, механик-самоучка Кулибин в 1779 сконструировал свой знаменитый фонарь с отражателем, дававший мощный свет при слабом источнике. Важность такого фонаря-прожектора в портовом городе трудно переоценить.

Виктор Карпенко в своей книге «Механик Кулибин» (Н. Новгород, изд-во «БИКАР», 2007 год) так описывает событие:

«Как-то в темную осеннюю ночь на Васильевском острове появился огненный шар. Он освещал не только улицу, но и Английскую набережную. Толпы народа устремились на свет, творя молитвы.

Вскоре выяснилось, что это светит фонарь, вывешенный знаменитым механиком Кулибиным из окна своей квартиры, которая помещалась на четвертом этаже Академии».

Фонари пользовались огромным спросом, но Кулибин был плохим предпринимателем и заказы ушли к другим мастерам, которые нажили на этом не одно состояние.

Автомобиль

Леонардо да Винчи считается первым в истории изобретателем самобеглой коляски. Правда, у флорентийца она предназначалась для военных целей и, как сейчас утверждают, явилась прообразом современного танка.

Устройство, со всех сторон защищенное «броней» из дерева (современных пуль и снарядов в средние века не знали), передвигалось за счет мускульной силы нескольких человек, которые сидели внутри и вращали рычаги. (Типа «кривой стартер»).

Увы, изучив чертежи Леонардо современные специалисты оценили изобретение так:

Дэвид Флетчер, британский историк танков:

– Да, сначала кажется, что ничего из этого не выйдет. Там внутри должны быть люди, вращающие рукояти, чтобы завращались колеса и с места сдвинулась махина бог знает какой тяжести. Я бы сказал, что это физически почти невозможно.

Для того чтобы это могло двигаться, нужно поле боя ровное, как стол. Камень – и оно остановится. Нора крота – и снова остановка. Противник умрет от смеха раньше, чем эта штука до него доедет.

Но это только с первого взгляда. Со второго – солдаты (!) британской армии заметили, что в чертеже есть принципиальная ошибка.

– Шестерни на колесах расположены неправильно, – сказал один из тех, кого посадили внутрь Леонардовского танка и заставили крутить рукояти. – При таком устройстве переднее колесо крутится назад, а заднее – вперед. Так что это нужно исправить – переставить шестеренки. Тогда оба колеса будут одновременно двигаться в одном направлении.

Как видите, изобретение Леонардо содержало принципиальные конструкторские недоработки. Причем, даже после их устранения механизм мог использоваться только в лабораторных условиях на идеально ровной поверхности, какой в реальной жизни не найти.

Теперь взглянем на изобретения Ивана Кулибина.

В Политехническом музее Москвы хранится несколько уменьшенных копий самодвижущейся коляски. Таковые (не копии, а настоящие изделия) изготавливались в механических мастерских Петербургской академии наук, которыми руководил Кулибин, и довольно широко использовались для прогулок аристократов.

Сотрудники музея подчеркивают, что **кулибинская самобеглая повозка** имела все части современного автомобиля: коробку переключения скоростей, тормоз, карданный механизм, руль, подшипники качения... Единственное сходство с Леонардовским изобретением – приводилась сия конструкция в движение тоже за счет человеческих мускулов. Водитель крутил ногами педали, его усилия раскручивали тяжелый маховик... и через короткий промежуток времени, велоколяска, отличавшаяся завидной грузоподъемностью, могла развивать приличную скорость. От водителя требовалось только твердо держать руль и поддерживать маховик в постоянном вращении.



Мосты

Да Винчи

Устраиваясь под покровительство миланского герцога Людовико Сфорца, Леонардо позиционировал себя, как военный инженер.

«Я могу создать легкие прочные мосты, – говорил он, – которые будет легко перевозить в ходе преследования. Или, упаси господи, бегства от врага. Так же я придумал способ осады замков, при котором первым делом осушается ров с водой».

И герцог принял его на службу. Однако, как человек здравомыслящий, (энциклопедии сообщают, что при нем «Милан стал одним из сильнейших государств Италии, центром наук и искусств») поручил новому служащему не строительство мостов новой конструкции, а нечто гораздо более скромное. Он доверил Леонардо (Умеешь осушать? – Осушай!) провести дренаж для ванной комнаты герцогини.

Кулибин

Энциклопедия КМ сообщает:

«В 1770-х гг. Кулибин спроектировал деревянный одноарочный мост через Неву с длиной пролета 298 м (вместо 50—60 м, как строили в ту пору). В 1766 он построил модель этого моста в 1/10 натуральной величины. Она была испытана специальной академической комиссией. Проект получил высокую оценку математика Л. Эйлера, по модели Кулибина проверившего правильность своих теоретических формул».

Очень любопытно упоминание о том, что знаменитый Эйлер не проводил расчеты для русского самоучки, а по его модели **проверял СВОИ** расчеты. Умный был человек, понимал, что «практика – критерий истины».

Вопрос: а зачем, собственно, Кулибину понадобилось изобретать мост такой необычной формы? Слава Богу, конструкций мостов с древнейших времен существует множество...

Дело в том, что Санкт-Петербург – крупный порт. И до сегодняшнего дня он принимает суда большого тоннажа и водоизмещения. Для того, чтобы эти громадные суда могли входить в город, основные мосты Санкт-Петербурга сделаны разводными.

А одноарочный мост, который предлагал Кулибин, как бы парил над Невой, касаясь земли только в двух точках – на правом и на левом берегах.

ЕГО НЕ ТРЕБОВАЛОСЬ БЫ РАЗВОДИТЬ!

Мосты Кулибина, если бы их проект был принят, позволили бы океанским судам входить в порт не только ночами, а в любое время суток! И никаких затрат на обслуживание и ремонт разводных механизмов.

Идеальное решение (см. выше).

Часы

Общеизвестно, что столичная карьера Ивана Кулибина началась с того, что во время визита императрицы Екатерины II в Нижний Новгород, ей преподнесли изготовленные мастером часы. Размером они были с гусиное яйцо и вмещали (помимо собственно часов) ни много ни мало, как театр-автомат, музыкальную шкатулку и механизм, который все этим управлял. Всего «яичная фигура», которая теперь является жемчужиной в коллекции Эрмитажа, содержит 427 деталей.

Вот как описываются эти удивительные часы в книге Виктора Карпенко:

«Они отбивали каждый час, половину и даже четверть часа. По завершении часа в яйце отворялись створчатые дверцы, открывая золоченый чертог. Против дверей стояло изображение гроба Господня, в который вела затворенная дверь.

По сторонам гроба стояли два воина с копьями. Через полминуты после того, как отворялись двери чертога, являлся ангел. Дверь, ведущая к гробу, раскрывалась, и стоящие воины падали на колени. Появлялись жены-мироносицы и слышался сопровождаемый звоном церковный стих «Христос воскрес!», исполнявшийся трижды.

Во второй половине дня ежечасно исполнялся уже другой стих: «Воскрес Иисус из гроба». В полдень часы играли гимн, сочиненный самим Кулибиным. Фигурки ангелов, воинов и жен-мироносиц были отлиты из золота и серебра».

Часы, созданные Кулибиным, хранятся в кладовых Эрмитажа и, чтобы их увидеть, нужно приложить специальные усилия (договариваться, оформлять пропуск и т.п.). Гораздо доступнее знаменитые «Часы-павлин», изготовленные в Европе и выставленные в одном из залов Эрмитажа.

Это поистине грандиозное сооружение, которое даже в просторном Эрмитаже занимает значительную часть выделенного ему помещения.

Разумеется, как все произведенное в Европе, часы «Павлин» являются модной занимательной игрушкой и, заодно, произведением искусства. В «чудесном саду», выполненным в натуральную величину, на золоченых ветвях дуба расположились павлин, петух, сова в клетке и белки. При заводе специальных механизмов фигуры птиц приходят в движение. Сова вертит головой, павлин распускает хвост и поворачивается к публике своей самой красивой частью (то есть тылом), петух кукарекает.

Плюс ко всем наворотам имеется и циферблат (в шляпке гриба), взглянув на который можно без всяких выкрутасов, чисто по-человечески узнать сколько время.

Часы были приобретены князем Потемкиным у английской герцогини Кингстонской, которая в 1777 году на собственном корабле с грузом художественных ценностей, вывезенных из Англии, приплыла в Санкт-Петербург.

У часов был только один недостаток: герцогиня вывезла их из Лондона в разобранном виде и, они более десяти лет лежали в кладовой, теряя свои части и детали. Например, из 55 граненых хрусталей, лежащих на основании часов, к 1791 году уцелел лишь один.

Светлейший князь Потемкин-Таврический, потративший на диковинку немалые деньги, призвал Кулибина и попросил «оживить бедных птичек».

Часы действуют до сих пор.

Часы различных конструкций Кулибин создавал во множестве: карманные, суточные, перстневые, часы с гусями...

Но рассказать хочется еще лишь об одних. В 1853 году в журнале «Москвитянин» появилась заметка, подписанная неким П. Н. Обнинским. Он сообщал, что у него в доме находятся часы, созданные Кулибиным, и просил прислать комиссию для освидетельствования.

Чем же так интересно было это устройство?

Во-первых, часы были астрономическими. То есть показывали ход планет, затмения Луны и Солнца. Кроме того, часы указывали дату (день, месяц), а особая стрелка отмечала високосные годы.

Во-вторых, на минутной стрелке были устроены мелкие часы, в гривенник размером, которые не имея никакого сообщения с общим механизмом часов и не имея завода, показывают, тем не менее, время очень верно.

Фактически, здесь мы опять сталкиваемся с «вечным двигателем», изобретенным Кулибиным.

В самом деле, ни пружин, ни гирь, ни какого-либо видимого источника энергии... А стрелка двигается и показывает время очень верно. Чудо!

Секрет в том, что Кулибин знал физику, пожалуй, получше Французской академии наук. Действительно, согласно закона сохранения энергии «вечный двигатель» невозможен. Потому что в **замкнутой системе** энергия не возникает из ничего, и не исчезает в никуда. Но кто нас заставляет оставаться в ЗАМКНУТОЙ СИСТЕМЕ?

Отсюда разгадка. На мелких (в гривенник) часах, расположенных на минутной стрелке астрономических часов, была система противовесов. Минутная стрелка движется под воздействием часового механизма. При этом ее положение в поле тяжести меняется. Соответственно меняется положение центра тяжести в «мелких» часах, и за счет этого они идут. Гравитационный двигатель!

Примерно так же решается задача с баржей, двигавшейся против течения за счет силы течения.

В замкнутой системе подобное движение было бы невозможно. Но зачем замыкаться?!



Баржа Кулибина, идущая против течения

Секрет так прост, что даже смешно.

Берется якорь и на лодке заносится вперед, где и зацепляется надежно. Якорная цепь (канат) другим концом обвивается вокруг гребного вала на судне. К гребному валу крепятся два гребных колеса (все, как на колесном пароходе).

Течение давит на лопасти колес, они приходят во вращение, и канат наматывается на гребной вал. Судно начинает двигаться против течения.

Испытывали судно несколько дней подряд. Груз составлял 8500 пудов песку.

Интересно отметить, что «водоходное машинное судно» Кулибина явилось прототипом туерной системы, введенной в 60-х годах XIX века в России. Туером называлось паровое судно. Оно имело железный корпус и двигалось вперед, выбирая цепь, уложенную на дно реки.

Кулибин прожил 83 года, причем продолжал работать до самого конца.

«Более сорока лет времени занимался я во изыскании самодвижущейся машины, упражнялся в делании опытов ее секретно, потому что многие ученые почитают сие изобретение за невозможное, даже смеются и ругаются над теми, кто в том изыскании упражняются», – писал Иван Петрович Аршеневскому в 1817 году.

А может и сделал бы? Чуть-чуть не хватило. Внимания, денег, сил, времени...

Нет, изобретая «вечный двигатель», невозможность которого доказывал еще Леонардо да Винчи, Иван Петрович Кулибин не опровергал законы физики. Просто он знал их немного лучше...

Глава 3

На следующий день я реально понял, что означает выражение «испытывать смешанные чувства». С одной стороны, Иван, который накануне весь день, не разгибая спины, трудился за компьютером, уже к 11 утра сдал мне вполне приличный материал по Кулибину. С другой – примерно в это же время позвонили из милиции и с официальной вежливостью попросили зайти. На мое замечание о том, что регулярные визиты в районное отделение не входят в сферу моих жизненных интересов, сухо сообщили, что могут прислать повестку. Блин! Еще не хватало, чтобы за мной явились с наручниками...

Милицейский чин, надо отдать должное, встретил меня с безукоризненной вежливостью. Он даже вышел из-за необъятного своего стола мне навстречу.

– Присаживайтесь, Артем Николаевич, – гостеприимно разводил он руками, – вот здесь вам будет удобно.

Грубить человеку столь душевному было как-то не с руки. Но я все же постарался выказать неудовольствие:

– Простите, господин подполковник, но удобнее всего мне было бы дома.

– О, безусловно... – охотно согласился чин. – Кстати, если уж желаете обращаться ко мне по званию, то лучше говорить «товарищ подполковник». В тех подразделениях, что работают «на земле», наименование «господа» как-то не прижилось. Господа другие должности занимают.

– Хотя это слава богу, – пробормотал я себе под нос.

– А вообще в беседе, – продолжил чин, отечески усаживаясь напротив, – проще называть друг друга по имени. Меня зовут Владимир Александрович.

– Очень приятно.

– Ну, вот и хорошо.

– О чем же вы хотели побеседовать, Владимир Александрович? Ведь как мы установили в прошлую нашу встречу, никаких причин для милицейского преследования моих подопечных не существует. Или я не прав?

– Вот все вы так... – вздохнул подполковник. – Чуть что – сразу «милицейское преследование»... А между тем органы правопорядка созданы для того, чтобы служить народу, защищать интересы граждан...

– Вы меня пригласили на политинформацию? – несколько нетерпеливо перебил я.

– Ни в коем случае.

Тут он сделал паузу, задумчиво глядя на меня. И, похоже, мысленно выстраивая план дальнейшего разговора.

– Ну что же, – произнес наконец. – Человек вы умный, всякую идею ловите на лету. Так что буду говорить с вами тезисно – только основные положения.

Итак, слышали ли вы о «детях индиго»?

– Модная теория.

– Ну да. И пока у нас при упоминании этой теории скептически морщат нос, в Китае уже разработана целая система работы с необычными ребятами. Воспитателей подобрали особых, специальные программы обучения применяют...

А у нас все пытаются вогнать всех подряд в стандартные рамки... И борются с детской преступностью. Не понимая главного: детская преступность – это, в основе своей – преступления, совершенные против детей.

Я моргнул и впервые посмотрел на подполковника по-новому. Похоже, он дело говорил.

– Вот при нашей первой встрече вы мне цитировали уголовный кодекс, – продолжил Владимир Александрович. – И особо напирали на то, что по закону уголовная ответственность с 14-ти лет предусмотрена только за особо тяжкие преступления. Такие, как разбой, убийства, вымогательство, изнасилование... То есть 14-летний убийца это явление уже настолько массовое, что принят специальный закон...

– Э-э, – произнес я, – и что вы предлагаете?

– Что я предлагаю, – раздумчиво повторил подполковник, вставая и отходя к окну. – Что я предлагаю...

Я терпеливо ждал.

– Вы знаете, – подполковник поправил занавески и решительно вернулся к столу, – милиция в основе своей орган карательный. То есть мы, как хирурги – обнаруживаем загнившие члены и удаляем их. Но мне, как думаю всякому нормальному человеку, в случае болезни хочется в первую очередь обращаться не к хирургу, а все-таки к терапевту. То есть не запускать болезнь настолько, чтобы уже кроме ампутации ничего не могло помочь, а все-таки сначала полечить. Мазь какую-нибудь применить, массаж, таблеточки... Может и выправится, а?

– Я слышал, что милиция практикует и профилактику...

– Это да, практикует. И знаете, есть хорошие специалисты, искренние, честные... Но мы, если помните, начали разговор с темы детей индиго, так?

– Да нет никаких детей индиго, это легенда! – не удержался я.

– Возможно, – охотно откликнулся Владимир Александрович. – Суть не в том есть они или нет. Но, и это я вам документально могу доказать, существует целый ряд ребятишек, на которых стандартные воспитательные приемы не действуют. Мы с ними работаем, учителя бьются, родители мучаются... Результата нет. Точнее он есть, но только отрицательный. НЕ СРАБАТЫВАЕТ!

Он сделал паузу и знаково поднял указательный палец вверх. Потом повторил:

– Ничто из наших накатанных приемов НЕ РАБОТАЕТ.

Снова повисла долгая пауза.

– И что же вы хотите от меня? – не выдержал, наконец, я.

– Вот, – сказал подполковник. – Мы подошли к сути.

– Но-но-но! – я машинально попытался отстраниться насколько возможно и плотно уперся спиной в ограничивающее меня кресло. – Попрошу без намеков.

– Да какие намеки, – вздохнул Владимир Александрович. – Прямо скажу, очень я на вас надеюсь.

– Вы с ума сошли! При чем здесь я?

– Дети у вас хорошие. Уж поверьте моему опыту, в людях я разбираюсь.

– Это не мои дети! Ванька – племянник, которого я вижу раз в году. А Али... – да месяц назад я вообще даже не подозревал о его существовании!

– Мальчики нестандартные, а вы нашли с ними общий язык. Причем так быстро...

– Вы мне что шьете, начальник?! – завопил я, теряя самообладание. – У меня никакого педагогического опыта... я даже не родитель! Я детей не люблю, и вообще предпочитаю смотреть про них по телевизору с выключенным звуком.

– Может это и к лучшему, – по-доброму улыбнулся мне милицейский чин. (В этот момент я его просто ненавидел!)

– Что к лучшему?

– То, что нет опыта. Как я уже говорил, существующий опыт ничего разумного не подсказывает. Нужно что-то принципиально новое. И вы, как человек творческий...

– Не смейте меня обзывать!

– Я бегло ознакомился с вашими данными...

– Это полицейский произвол!

– Побеседовал с вашими коллегами... Вы знаете, все в один голос утверждают, что в экстремальных ситуациях вы способны генерировать потрясающие идеи.

– Я буду жаловаться вашему руководству.

– Плюс к этому выдающаяся эрудиция, начитанность... Вы способны увлечь за собой.

– Как зовут вашего начальника? Кому писать жалобу?

– Да что там писать, – вздохнул подполковник. – Вот у меня разработан специальный бланк, – он положил передо мной отпечатанный лист, посередине которого красовался жирный заголовок: «Жалоба». – Впишите свои данные, изложите суть претензии... А начальник вот, в соседнем кабинете. Меры будут приняты незамедлительно.

Я кроважно цапнул лист и зашарил по карманам в поисках ручки.

Подполковник смотрел на меня с доброй улыбкой. И в тот момент, когда я уже прицелился пером в первые строчки бланка, произнес:

– Разумеется, чтобы быть со всех сторон прикрытым перед начальством, мне придется завершить дело ваших мальчиков.

– Завершайте, – буркнул я.

– Пошлем запросы по месту учебы, по месту жительства. Запросим характеристики... Дадим информацию по месту работы родителей...

– Так, стоп. Какие еще запросы?

– В нашем деле, знаете ли, – все так же добро улыбался подполковник, – очень многое значит бумажка. Можно работать с утра до ночи, но если это не оформлено соответствующими справками...

– Погодите, вы меня шантажируете что ли?

– Да помилуй Бог! – вскричал милиционер. – Шантаж – это когда деньги вымогают или что-то нехорошее требуют от человека. А я всего-навсего прошу...

– Под дулом пистолета.

– Ну, о чем вы говорите! Никакого насилия. Я зываю к самым лучшим вашим качествам, к самым светлым сторонам вашей натуры.

– Я злобный жестокий тип!

– Именно это и требуется. Я вот подобрал вам личные дела десятка ребятишек... Разумеется, информация строго секретная, выносу за пределы этого кабинета и разглашению не подлежит. Но вы, как порядочный человек...

– Я не порядочный!

– Вы можете ознакомиться с документацией прямо здесь, в моем кабинете. Заодно, если возникнут вопросы, я сразу смогу все прояснить.

– А у вас что, нет никаких дел?

Подполковник взглянул прямо мне в глаза. Без тени усмешки. Будто в самую душу. И сказал:

– Сейчас речь идет о судьбах десяти незаурядных подростков. Или вы считаете, что есть дела более важные?

Вот ведь как подошел... Просто-таки обложил со всех сторон.

– Хорошо, – устало произнес я, откладывая бесполезную ручку. – Давайте прямо: чего конкретно вы от меня хотите?

Подполковник снова встал. Похоже, у него была привычка расхаживать по кабинету, размышляя.

– Вы знаете, – сказал он, как бы рассуждая сам с собой, – в США трудным подросткам предоставляют возможность пожить где-нибудь в сельской местности самостоятельно. То есть дают полную свободу: никаких наставлений, никаких сюси-пусси – вот тебе огород, землянка, лопата в руки и выживай, как умеешь.

– А не убегают они?

– А там некуда бежать – кругом глухомань. Специально места подбирают.

– Сурово.

– Ну да. В таких условиях дети быстро осознают, что в одиночку не выжить, отодвигают амбиции на задний план, и в результате складывается коллектив, возникают навыки совместного проживания... В общем, дурь и спесь уходят, а то здоровое, светлое, что есть в душе каждого, как бы очищается от накипи. Коротко говоря, когда дети возвращаются, то это уже не малолетние преступники, а нормальные ребяташки, которыми можно даже гордиться.

– И вы полагаете, что я с десятью малолетними убийцами...

– Да что вы! – замахал на меня руками подполковник. – Какие убийцы! Я вам можно сказать элиту подобрал – талант на таланте! Лучшие из тех, кто стоит у нас на учете. Вот пожалуйста, – он схватил одну из папок, лежащих на столе и жестом деда Мороза, вручающего подарок, раскрыл ее передо мной. – Вот, Дмитрий Новиков – гений слесарного дела. Вскрывает любые замки и обходит почти все системы сигнализации. Летом, в каникулы, он угоняет машины практически каждую ночь. Скажу вам честно: он нас замучил!



Дима Новиков

Второй экземпляр: Никита Фомин, кличка Томми. Учится хорошо, уроки не прогуливает, на спортивных соревнованиях вообще один из лучших... В общем, гордость школы. И лишь один маленький недостаток портит всю картину – парень любит драться. А поскольку отец с трех лет приучал его серьезно заниматься боевыми искусствами... Словом, заявлений на него целая стопа, и с каждой неделей она все растет. Причем приносят эти заявления не побитые ребята, а их родители, которые жаждут непременно вручить текст начальнику РОВД лично, а затем регулярно приходят, чтобы заслушать отчет о проделанной работе.



Никита Фомин

– А отец – любитель рукопашного боя, сам не в состоянии объяснить парню, как надо себя вести в обществе?

– Отец у Никиты служил в нашем ОМОНе. Погиб в Чечне.

– Кхм, понятно.

– Следующий персонаж – Марк Стеклов. Интеллигентный и воспитанный домашний ребенок. Радость любого педагога. У нас не было бы к нему никаких претензий, но в прошлом году в суде нашего района прошел целый цикл слушаний по статье 272.

– О, – оживился я. – Это хакеры, верно?

– Хакеры, – кивнул подполковник. – Суть в том, что некоторые граждане, заполучив коды, подключались к сети крупных предприятий и пользовались Интернетом за счет этих самых предприятий. Суммы выявленного ущерба оказались впечатляющими.

– Насколько я знаю, наказание по этой статье обычно ограничивается штрафом.

– Обычно да. Штрафом и возмещением ущерба. Но в данном конкретном случае главный виновник – тот, кто добывал коды, оказался за рамками судебного разбирательства.



Марк Стеклов

– Плохо работаете, – дружелюбно заметил я.

– Да нет, хорошо. Просто этому виновнику, Марку Стеклову, на момент совершения преступления не исполнилось даже 13 лет. Мальчик, как вы понимаете, многообещающий, но если его не взять в руки сейчас, дел натворит столько, что разгребать замучимся.

Далее, Евгений Яковлев. Прекрасный парень, душа компании... Единственный недостаток – любовь к путешествиям. В последний раз, когда он ушел из дома, пришлось объявлять его во Всероссийский розыск. И вернули его маме знаете откуда? Из Тобольска. Как потом выяснилось – с полпути, так как он во Владивосток направлялся.

– Так, – перебил я, – кажется, главную идею я уловил. Вы подобрали мне сборную.

– Совершенно верно. Лучшие люди, гордость нашего ПДН.

– Э-э?

– ПДН – это подразделение по делам несовершеннолетних. Мне давно было очевидно, что нашим инспекторам с данной компанией не справиться. И вот подвернулись вы, – он окинул меня лучистым ленинским взором. – Наша надежда.

– Ну здравствуйте, – я постарался отмежеваться от безграничного милицейского доверия. – Во-первых, я не жена декабриста, и вовсе не жажду поехать с этой бандой в Сибирь.

– Да какая Сибирь, – отмахнулся подполковник. – Мы подобрали местечко значительно ближе. Гороховец, во Владимирской области. Старинный город, живописные места...

– Это где?

– Да едва ли не сразу за МКАД.

– В самом деле?

– Ну, не надо быть таким подозрительным. У меня там родственник живет – работает в тамошней милиции, так что встретят как родных. И дом есть для проживания... Кстати, что за терминология у вас: банда! Не банда, а передовой отряд российской молодежи...

– А родители? Думаете мне, человеку без всякого педагогического образования доверят такое количество детей?

– А вот об этом не беспокойтесь. Даже на минуту не сомневайтесь, родители согласятся. Потому что понимают: месяц в деревне лучше, чем пять лет на зоне.

– Значит, вы так ставите вопрос... – пробормотал я.

– Именно так. Да вы не переживайте, вы еще национальным героем станете, когда вернетесь.

– Если выживу.

– Фу, какой вы пессимист... Бодрее смотрите в будущее.

Вот на такой жизнеутверждающей ноте и закончился наш непростой разговор в милиции. Я, правда, провел в начальственном кабинете еще почти два часа – читал личные дела, делал краткие выписки...

Сейчас, оглядываясь назад, совершенно не понимаю, как товарищу подполковнику удалось подбить меня на эту авантюру. Если бы я знал тогда, что ждет впереди...

Глава 4

Надо отдать должное – организаторские способности подполковника оказались на высоте. Явившись в назначенный день в сопровождении Ивана и Али к месту встречи, я с огорчением убедился, что прогульщиков нет. Все подростки, внесенные в список заботливой милицейской рукой, стояли возле автобуса, готовые отправиться навстречу приключениям. Форма одежды – походная, набор вещей – минимальный.

Впрочем, одежда и размер рюкзачков было единственным, что придавало собравшимся хоть какое-то сходство. В остальном же детишки отличались друг от друга, как Онегин с Ленским – помните, как сказано у Пушкина? «Волна и камень, стихи и проза, лед и пламень не так различны меж собой».

Высокий красивый блондин с надменным лицом – я уже знал, что это Илья Юдин, – победитель математических олимпиад, активный участник школьных театральных постановок, и при этом рэкетир, систематически вымогавший деньги у одноклассников, стоял совершенно неподвижно и смотрел свысока.



Илья Юдин

12-летний Сережа Иванов, шустрый и востроносый, напротив ни секунды не мог провести без движения. Фанат творчества раннего Горького он был поставлен на учет после того, как наряд милиции снял его с поезда – пацан бегал по крышам движущегося состава, прыгал с вагона на вагон и вдохновенно декламировал: «Безумству храбрых поем мы песню! Безумство храбрых – вот мудрость жизни!». Вечер, проведенный им в дежурной части отдела, зна-

чительно обогатил литературные познания всех там присутствовавших. (Причем не только сотрудников).



Иванов Серега

Евгений Яковлев – долговязый верзила со смуглым лицом, держался застенчиво, но достойно. Во всяком случае, когда мелкий по размеру поклонник «Песни о соколе» пристал к нему со словами: «Длинный, достань воробышка!», он цапнул шустрика за воротник и, держа на весу, разъяснил: «Длинный я, когда лежу. А когда я стою – я высокий». Ответом ему была солнечная улыбка, озарившая лицо мелюзги.

Андрей Зимин и Дмитрий Новиков (автоугонщики) стояли рядом, как близнецы-братья. Я уже запомнил, что родители первого – преуспевающие бизнесмены, категорически возражали против дружбы мальчишек. «Не ровня, бандит, из семьи алкоголиков...» Увы, эта аргументация столь веская на взгляд взрослых, для пацанов не срабатывала. И полковник даже по секрету сообщил, что парни, изучив через Интернет обряд братания, по всем правилам сделали надрезы на руках и смешали кровь.

Итак, я осматривался, сопоставляя мальчишек с данными заученного наизусть списка, как вдруг мое внимание привлекли две стоящие чуть в стороне девочки. Судя по одежде и наличию рюкзачков, они тоже готовились к посадке в автобус, но...

– Полковник! – возопил я, хватая за рукав явившегося на проводы милицейского чина. – Насчет девочек мы не договаривались!

На лице Владимира Александровича отразилось фальшивое смущение.

– Ну, знаете, я подумал, – начал он оправдываться, – где десять человек, там и двенадцать...

– А как я буду их там размещать? Они же девочки!

– Да не беспокойтесь. В доме две комнаты. В большую поместите мальчишек, а в маленькую...

– Очень мило. А я где буду жить?

– О, там еще очень много подсобных помещений. Масса пространства.

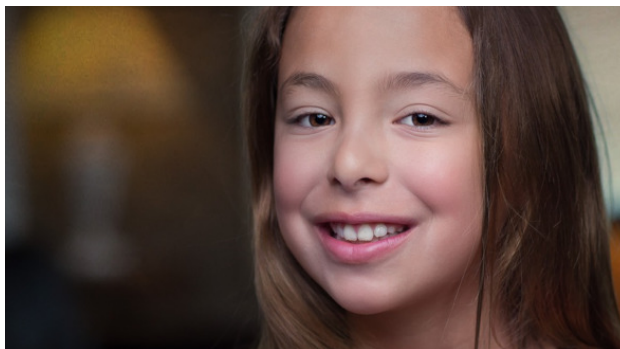
– То есть я должен жить в кладовке, так?

– Ну, все не так трагично, – забегал глазами милиционер. – Сейчас ведь лето, в комнатах будет жарко. А вы на просторе, на свежем воздухе...

– Ах даже на свежем воздухе!

Тут Владимир Александрович перестал изображать смущение и глянул мне прямо в глаза.

– Ну так сложилось, – сказал он. – Девчонка вон та маленькая, буквально позавчера второй раз пыталась покончить жизнь самоубийством. Единственная дочь родителей, представляете?



Наташа Варфоломеева

– Ничего себе, – ахнул я. – А если она там, в Гороховце повесится, кто будет отвечать?
– Она не вешалась, а таблеток наглоталась. Но это не суть. Главное в том, что ее нужно как-то отвлечь, сменить обстановку. Дома, у родителей шансов нет. Они уж пытались ее как-то взять в руки, устроили тотальный контроль... Но результат, как вы понимаете...

– Господи, в таком-то возрасте... – Я осторожно глянул в сторону двойной самоубийцы. – Такая славненькая на вид... Чего ж ей не хватает?

– Вот и попробуйте разобраться...

– А если не получится?

– Значит не получится.

Я внимательно посмотрел на подполковника и вздохнул. Да, я знал, что у нас потенциальных самоубийц отправляют на лечение в сумасшедший дом. Но ни для кого не секрет, что лечение там такое же, как исправление осужденных в наших тюрьмах.

– Кхм. А что вторая девочка?

– Ольга Лукина. Жалоб на нее нет, одни благодарности...

– Тогда почему...

– Ее мать очень просила. Дело в том, что Оля готовится поступать в медицинский техникум.

– Это теперь считается преступлением?

– Видите ли, ее маме кажется ненормальным, когда 14 летняя девочка работает в морге: вскрывает трупы, распиливает умершим черепа...



Оля Лукина

– Довольно! – излишне торопливо прервал я. – Боюсь, что если вы продолжите, мне будет сложно с ней общаться.

– Ну тогда в путь! – взбодрился подполковник. Похоже, он до последнего момента опасался, что я взбунтуюсь и откажусь ехать. – Автобус подан, прошу занимать места.

* * *

Гороховец (и вовсе он расположен не сразу за МКАД, а почти в 500-х километрах, практически на границе Нижегородской области) оказался небольшим, но милым. Первый взгляд, правда, разочаровал. С трассы этот старинный русский город кажется банальным: стандартные пятиэтажки, стандартная реклама на крышах и установленных вдоль дороги щитах и, как апофеоз, указатель, приглашающий насладиться недавно построенным горнолыжным комплексом с экзотическим названием «Пужалова гора». Интересно, кого и зачем на ней пугали?

Но стоило нам свернуть на неширокую улочку, гордо носящую имя Ленина, как пейзаж радикально переменялся. В окнах автобуса замелькали одноэтажные домики с резными наличниками, цветущие палисады, густые заросли сирени и яблоневых садов... А когда автобус остановился на площади комбрига Патоличева, являющейся историческим центром поселения, впору было просто ахнуть – со всех сторон, то есть буквально и справа, и слева, и позади, и высоко на горе перед нами возвышались стены церквей и соборов. Просто удивительно, что такое количество культовых сооружений собрали на столь ограниченной территории.

Мальчишки, засидевшиеся от долгой дороги, поспешно выпрыгивали из автобуса, я возился, проверяя не забыл ли кто своих вещей, а через распахнутую дверь было слышно, как Илья Юдин степенно выспрашивает встречающую нас женщину насчет церквей:

– А они действующие? А иконы там есть?

– Два храма на реставрации, – отвечала женщина, – остальные действующие. Конечно, иконы есть. А еще фрески. Вот видите там, где голубые купола? Это Благовещенский собор, построенный в самом конце XVI века. При советской власти к каждому празднику фрески на внешней стороне стен скоблили и аккуратно закрашивали. Но они каждый раз проступали снова.

– Это чудо? – с восторженным ожиданием спросил маленький Сережа.

– Можно считать, что чудо. Но рукотворное. Мастера, расписывающие храм, работали на совесть. Так, чтобы и через 400 лет мы могли этой красотой любоваться...

В это время с колокольни храма, вознесшего в небо свои золоченые купола, зазвучал праздничный перезвон колоколов. Чистый, как будто солнечный звук поплыл над древним городом... И сквозь это благодатное звучание я услышал, как Илья снисходительно объясняет Жене Яковлеву:

– Просто краски содержат железо. Попробуй замазать штукатуркой ржавый гвоздь. Сколько слоев краски сверху ни клади, ржавчина все равно вылезет.

– Ладно, грамотные мои, – перебил я. – Что-то мы застоялись. Пора двигаться.

* * *

Взглянув на дом, отведенный нам для проживания, я сначала решил, что милиция чересчур оптимистична в своих представлениях о жизни подростков. Строение 1888 года выпуска могло и не выдержать молодого напора, с которым мои подопечные ринулись осваивать новые территории.

Рюкзачки мгновенно были сброшены в угол, и ребяташки, как горох, рассыпались повсюду. Их голоса зазвенели на чердаке, в подполе, на огороде, на крыше... Отовсюду слышались разнообразные восклицания типа «Ух ты», «Ох ты», топот ног и грохот листов кровельного железа, по которому кто-то энергично лазил... Вообще говоря, такое поведение типично для городских детей – в доме они бегают и прыгают, а на природе садятся и начинают пить, есть и курить. Словом, очень хотелось заорать страшным голосом, надавать всем подзатыльников и навести порядок. Но с такой компанией репрессивные меры бесполезны – они ничего не боятся. Оставалось только сохранять внешнее спокойствие и, что называется, «держать лицо».

К счастью вакханалия знакомства с нашей обителью завершилась довольно быстро. Детки вернулись в большую комнату к своим рюкзакам и оказались в зоне воздействия.

– Ну что же, – сказал я, делая вид, что все нормально, – будем обживаться. В первую очередь нужно обустроить кухню и спальные помещения.

– А там на чердаке два самовара, – сообщил Серега Иванов. – Мы будем пить чай из самовара?

– Если они исправны... Давай ты займешься осмотром и приведением их в порядок. Остальным я предлагаю распределить обязанности – навести порядок в кухонных шкафах, расставить посуду. Девочкам нужно помочь перенести матрасы в их комнату.

– Я могу помыть полы, – тихо произнесла Наташа Варфоломеева.

– Отлично, – с энтузиазмом откликнулся я.

– Только мне нужно ведро и чтобы кто-то показал, где набрать воды.

– Я помогу, – вызвался Али.

В общем, довольно скоро все образовалось. Конечно, в первый день много бестолковой суеты и непроизводительных трат времени, но в целом мы справились даже лучше, чем я ожидал.

Безусловными плюсами предоставленного нам жилья было то, что в доме имелась газовая плита, а за водой не нужно было ходить на колодец – достаточно было включить насос, и вода в изобилии текла из шланга.

Оля Лукина обнаружила твердый характер и уверенно командовала на кухне. Причем в сферу ее притяжения попала не только тихая Наташа, но и Илья Юдин, который, впрочем, не убирал с лица снисходительной усмешки.

Женя Яковлев и мелкий Сerezка поначалу куда-то исчезли (каюсь, общей суматохе я это упустил), а когда явились, сообщили, что выше на горе имеется Священный источник. Там все обустроено – есть небольшая часовенка, лавочки, и специальная купальня для паломников...

Но главное – второй выход этого источника возле нашего дома. То есть все время, пока мы здесь живем, мы будем пользоваться исключительно этой, благодатной и освященной водой.

– Круто, правда? – восторженно блеснул глазами Серега. Его старший собрат (Евгений, похоже, взял покровительство над мелюзгой) снисходительно улыбался.



Путешественник Яковлев

За всеми хозяйственными хлопотами обедать сели поздно, почти по-английски. Широкий дубовый стол, оставшийся от прежних хозяев, оказался способен вместить всех. Ели из пластиковых одноразовых тарелок, зато в центре возвышался тульский, отмытый до блеска и украшенный медалями самовар.

Пользуясь тем, что самовар привлекал всеобщее благосклонное внимание, я счел возможным немного поморализировать:

– Вот видите вещь, сработанная сотню лет назад. И на нем имя мастера: Григорий Павлович Баташев. Так мы никогда бы и не узнали, что жил в Туле такой человек. Но вот перед нами произведение его рук, и мы видим...

– Да он же не сам это делал, – перебил меня Илья. – Самовар фабричный, значит ваш Баташев был просто хозяин и эксплуататор. Сидел себе в конторе, считал деньги...

– Он ставил на изделия свое имя, – возразил Иван. – Значит, был уверен в добротности и качестве. А грамотно организовать производство, да так, чтобы и через 100 лет люди могли пользоваться...

Речь Ивана, несколько сбивчивая оттого, что он внутренне горячился, не смогла стереть насмешливой полуулыбки с лица победителя математических олимпиад. Но тут неожиданно выступил Серега Иванов:

– «От Марко хоть песня осталась», – вдохновенно процитировал он из Горького. А потом моргнул и, как залп, выдал заключительный аккорд. – «А вы на земле проживете, как черви слепые живут: Ни сказок о вас не расскажут, ни песен о вас не споют!»

Глава 5

Утро встретило нас ярким солнечным светом, заполнившим все три фасадных окна, обращенные к востоку. Хотя не было еще и 7 часов (по городским меркам рань несусветная) спать при такой иллюминации было совершенно невозможно, и мальчишки поднялись, загомонили, захлопали дверями...

Девочки, хотя их восходящее солнце не потревожило, заслышав утреннюю суету, тоже встали, быстренько привели себя в порядок и без напоминаний хлопотали на кухне. Я умирлился и на минуту подумал, что подполковник отчасти был даже в чем-то прав, когда упоминал о «передовом отряде российской молодежи».

После незамысловатого, но сытного завтрака (рисовая каша быстрого приготовления со свежим укропом и зеленым луком, отыскавшимся на заросших травой грядках) настало время для руководящей инициативы.

– Итак, – сказал я, окинув начальственным взором своих подопечных, допивающих растворимый кофе, – давайте с самого начала определим фронт работ и распределим обязанности. Во-первых, нужно составить график дежурств. Двое – наряд по кухне плюс один дневальный. Кухонные работники моют посуду, чистят картошку и все прочее, о чем попросит главный повар. На должность повара предлагаю утвердить Олю Лукину, если она не возражает.

– Не возражаю, – тут же откликнулась девочка.

– Зачем наряд, – пожал плечами Илья Юдин. – Пусть каждый сам сполоснет свою тарелку. Слуг нет!

– Помимо тарелок есть еще кастрюли, – возразил я. – Кроме того, нас 15 человек, одновременно мы к раковине не протолкнемся, а значит будет очередь, суета...

– Или ты дежуришь раз в неделю, – тихо заметил Али, – или моешь свою посуду каждый день, три раза в день.

– Наряд так наряд, – кивнул Никита. – Как в армии. Пишите меня первым.

– Могучий Томми рвется к кастрюлям, – тонко улыбнулся Илья.

– Не будь дураком. Просто отдежурю на раз и буду неделю гулять.

– Запишите меня с ним, – тут же отреагировал Слава Филиппов – курносый хрупкий мальчик, попавший на учет в милицию за любовь к животным. С охраняемой немецкими овчарками дачи «нового русского» он украл элитного щенка, которого тренировали для собачьих боев. До сих пор никто не сумел понять, как пацан «договорился» с клыкастыми монстрами. Следовательно, ведущий дело, подозревал, что грандиозный скандал, который закатил хозяин псов, был вызван не столько кражей, сколько легкостью, с которой парнишка проник на охраняемую территорию – собаки на него даже не гавкнули.



Слава Филиппов

Далее список дежурств составил быстро и без проблем. Оживленная дискуссия возникла после того, как я заявил, что до обеда, пока прохладно, мы все в обязательном порядке будем работать на огороде.

– Мы что, огородники? – удивился Никита Фомин.

– Человек должен работать интеллектом, а не руками, – поддержал его хрупкий очкастый Марк. – Давно известно, что крестьянский труд в натуральном хозяйстве непроизводителен.

– Согласен, – не стал спорить я. – Но исключительно интеллектуальный труд возможен только в обществе с развитым разделением труда.

– А мы в каком живем?

– А у нас все хотят работать на компьютере и никто в поле. Так что скоро всем придется жрать колбасу, нарисованную в Corel draw.

– И на этом основании мы должны становиться фермерами?

– Фермерами вряд ли получится – тут способности нужны... Но вам, высокоинтеллектуальные мои, стоит обратить внимание вот на что, – тут я сделал паузу и, опережая готовые сорваться возражения, поднял вверх указательный палец. – Как известно, у человека пять органов чувств. И для нормального развития мозга информация должна поступать со всех пяти. А в городе вы задействуете сколько?

– Примерно 80% людей – визуалисты, – мгновенно сообщила Ольга. – То есть основной поток информации они получают от зрения. Аудалисты, то есть те, у кого главным является слух, составляют процентов 10—12. Далее следуют кинестики – для них важнее всего тактильные ощущения.

– Прикосновения что ли? – почесал бровь Никита.

– Да.

– Так и говори.

– И замыкают список те, у кого сильно развиты нюх и вкусовые рецепторы. Такие люди редкость. И в основном они становятся дегустаторами.

– А я смотрел фильм «Парфюмер», – влез в разговор шустрый Сережа, – там...

– Вот именно, – не дала себя сбить Ольга. – Существуют дегустаторы пищевых продуктов, вин и тому подобного. А есть дегустаторы запахов.

– Так вот, – перехватил я инициативу, – подобное разделение сильно обедняет наше восприятие. В городе иное и невозможно – там запахов нет, только вонь и дезодоранты. Уши заткнуты наушниками плеера, освещение стандартное, согласно ГОСТу. А здесь мы имеем шанс попробовать пробудить ВСЕ свои органы чувств. Вслушивайтесь в тишину, прочув-

стуйте на коже движение солнечных бликов, попробуйте уловить прикосновение ветерка и всю тончайшую палитру запахов...

– Хорошо в краю родном, – насмешливо произнес Илья. – Пахнет сеном и гав...

– Заткнись, – лениво посоветовал Никита.

Его прищуренный взгляд мне что-то не понравился, и я поспешил завершить конфликт, не выпуская его из словесной плоскости:

– Рад, что и в зрелом возрасте Ильюша не забывает детсадовский фольклор. Но пойдем дальше.

– А я вот заметил, что в коридоре, – радостно вклинился Серега, – под люком на чердак на лицо всегда ложится как бы отсвет жары. Прямо как «жарка» в «Сталкере», знаете? Я сначала даже испугался.

– А ты и Стругацких читаешь? – заинтересовался Иван.

– Ну, немножко... – потупился шустрик.

– Итак, – подвел я итог, – до обеда работаем в огороде, стараясь извлечь из процесса максимальную пользу.

– А после?

– Потом, если погода позволяет, идем купаться на речку, благо тут недалеко. А после обеда изучаем местные достопримечательности – храмы, музеи, исторические места... Гороховец – город старинный, основан аж в 1239 году, так что тут есть что поисследовать. Кстати, здешняя библиотека считается лучшей во Владимирской области.

– А давайте искать клад, – воодушевился Серега Иванов.

– Можно попробовать, – не отказался я. – Хотя...

– Ур-ра! Клад!

– Ты найди сначала, – остудил энтузиаста Фомин. – А вечерами у нас будет свободное время?

– Если будет, – веско произнес я, – то да. Но поскольку вы все тут претендуете на звание интеллектуалов, практикующих исключительно умственный труд, я хотел предложить вам немного заработать.

– Это как?

– С некоторых пор у нас появился спонсор, готовый оплачивать нам рефераты по истории. Вот Иван и Али, – я сделал широкий указующий жест, – уже написали несколько текстов, в которых прояснили некоторые тайны прошлого.

– Тайны? – ахнул Серега.

– Ну да. Иван исследовал проклятие фараона Тутанхамона, Али разъяснил тайну открытия Америки, а сейчас сдал работу о пиратах. Я, правда, не успел еще ее просмотреть...

Все взоры обратились на скромно сидящих Ивана и Али. Длинный Женька был так поражен, что на минуту даже утратил свой обычный застенчивый вид

– Чё, реально исследовал проклятие? – спросил он. – И чё там было?

– А это не опасно? – тихо поинтересовалась Наташа.

– Да что там опасного, – ответил мой племянник. – Просто изучаем документы, потом подключаем логику и здравый смысл и смотрим, как реально могли развиваться события.

– И за это платят? – не поверил Илья.

– Если качество устроит... Нам заплатили.

– Много?

– По 400 долларов за текст.

Это заявление вызвало мгновенный гул эмоций. На лицах появились недоверчиво-восторженные выражения.

– А если я истории не знаю? – забеспокоился маленький Серега. – Я это, по истории только на три балла...

– Как выяснилось, ее никто не знает. Так что придется напрягать не память, а мозговой аппарат.

Снова по собранию прошел гул эмоций. Сдержаннее других держались автоугонщики Дмитрий и Андрей, у которых, похоже, был свой взгляд на способы зарабатывания денег.

– Если есть желание, – я возвысил голос, чтобы покрыть возникший шум, – я могу выдать работы Ивана и Али в качестве образцов. Парни вы все грамотные, компьютеры у нас есть...

– А какие темы остались? – с самого дальнего места, через головы всех сидящих поинтересовался бритоголовый Алексей Матвеев. До сих пор он держался подчеркнуто отстраненно и неприязненно. Возможно потому, что его скинхедские убеждения оскорбляло присутствие в компании смуглолицего Али. Но теперь лед, похоже, тронулся и я, чтобы не выдать внутреннего ликования, опустил голову, делая вид, что сосредоточенно извлекаю из кармана джинсов записную книжку.

– Так, темы... – пролистнув несколько страниц, я нашел нужную и зачитал вслух: – Значит, у нас есть «Алтарь огнепоклонников», «Рыцари храма и земля обетованная», «Тайна пещеры Ласко», «Забывшие цивилизации Африки».

– А про крестовые походы есть? – подпрыгивая от энтузиазма, зазвенел голосом вездесущий Серега.

– Разумеется. Вот, бери тему про рыцарей храма, это как раз про них.

– А что за пещера Ласко?

– Это во Франции. Глубоко под землей там были обнаружены удивительные по красоте и совершенству росписи, оставленные как считается пещерными людьми примерно 20 тысяч лет назад. То есть задолго до строительства пирамид.

– Эт чё, получается, что французы – самые древние люди? – удивился Матвеев.

– Как видишь, вопрос требует изучения. Но впрочем, давайте сейчас обсуждение завершим. К обеду я подготовлю вам листочки с темами, сможете подумать, выбрать... А сейчас всем, кроме дежурных, предлагаю разобрать инвентарь и отправиться на сельхозработы. Мы, кстати, с ними запаздываем – все хорошие хозяева вскопку грядок и посадки агрокультур давно завершили.

* * *

Первый же день, полноценно проведенный в Гороховце (день приезда и день отъезда, как известно, считается за один) принес сразу целый ворох открытий. Первое из них озвучила Наташа Варфоломеева. «Ой, – воскликнула она, едва начав копошиться на грядке, – а земля-то оказывается ЖИВАЯ!». Слава Филиппов развил эту мысль. Оказывается, в детстве (интересно, что он считает детством?) у него была книжка «В стране дремучих трав». Там главные герои: мальчик и девочка, случайно выпили уменьшительные таблетки, и обычная трава для них стала, как джунгли.

– А теперь, – воодушевленно излагал Слава, – можно придумать новую книгу, которая будет называться «В стране дремучих корней». Герои будут путешествовать по туннелям, проложенным дождевыми червями, кататься на личинках майских жуков и сражаться с медведками.

– А как насчет кротов? – флегматично поинтересовался Евгений, не переставая работать лопатой.

– О, это вообще круто. Они будут, как мамонты...

– Здесь лес и дол, все жизнью полно! – возгласил неиссякаемый Иванов.

После обеда (и после того, как мальчишки докупались в реке до синевы), по длинной деревянной лестнице мы поднялись на самый верх загадочной Пужаловой горы, к монастырю. Вид оттуда открывался фантастический. Литературно-грамотный Серега Иванов от восторга

просто не знал куда себя деть. Он то носился по гребню горы, расправив руки, словно Икар крылья, то принимал позу юного Пушкина на экзамене перед Державиным и декламировал: «Кавказ предо мною. Один в вышине стою неподвижно у края стремнины. Орел, с отдаленной поднявшись вершины...» и «Здесь тучи смиренно идут подо мной!»

В общем, еле мы его угомонили.

Второе открытие ожидало нас непосредственно на территории Троице-Никольского монастыря – того самого, что возвышался золотыми куполами над всем городом и над безбрежными заречными далями.

Погуляв по ухоженным дорожкам внутри древней крепостной стены, ограждавшей территорию святой обители, мы наткнулись на остатки надгробных камней. На одном из них, украшенном богатым резным орнаментом, сохранилась надпись. Разумеется, дореволюционные буквы, да еще поврежденные временем и покрытые щербинами, прочесть было нелегко. Но я пару раз подсказал, демонстрируя, что расшифровка – дело вполне возможное, мальчишки загорелись азартом, и дело пошло.



Надгробный камень на территории монастыря

Вот что там было:

«Подъ симъ ка* * *мъ покоит** тьло его
Сі*ть**ва к* * * * Якова Гр * * * *ьевича»...

Как видите, особых трудностей пока не возникло. Кстати, роскошная резьба на могильном камне получила объяснение – как никак это надгробие изготавливалось для князя – «его Сиятельства»!

А вот дальше нам пришлось потрудиться. Потому что хотя фамилия и была выбита достаточно крупно, именно здесь надпись пострадала сильнее всего. В частности, нам долго не удалось разобрать самую первую букву.

Но мы не сдавались, атаковали тайну со всех сторон. В первую очередь удалось разобрать окончание: «ЦЫН». Потом две буквы в середине «О» и «Л».

И, наконец, после того, как мы вдосталь повертели прочитанное так и сяк, примеряя к имеющимся остаткам знаков на камне все возможные варианты, нам удалось сложить всю фамилию целиком. Голицын.

ГОЛИЦЫН!!!

Вот так ничего себе! Одна из знаменитейших в Российской истории фамилий!

– Не падайте духом, поручик Голицын, – негромко запел Женя Яковлев, – корнет Оболенский седлайте коня...

– О, так этот Яков Григорьевич из тех самых Голицыных? – блестя глазами, спросил нетерпеливый Сережа, – Или просто однофамилец?

– На камне указано, что он князь, – задумчиво ответил я. – Стало быть, принадлежит к тому самому сиятельному роду.

– Подумаешь, сиятельство, – фыркнул демократически настроенный Димка Новиков. – Всего-то до поручика дослужился.

– Песенный поручик – личность не историческая. Настоящие же Голицыны настолько знатного рода, что вполне могли занять Российский престол.

– Вместо Романовых что ли?

– Совершенно верно. Первый раз шанс им представился в эпоху Смутного времени, в 1606 году. Но тогда всех опередил Василий Шуйский.

Во время правления Шуйского, Голицыны сделали вторую попытку и снова неудачно. Но древность рода позволила им остаться близко к вершине правительственной пирамиды, и когда началась эпоха противостояния правительницы Софьи и юного Петра I, Голицыны предприняли третью попытку. Причем, выбрали они, как казалось, беспроигрышный вариант.

– Это как?

– Очень просто. Старший брат Василий Васильевич стал ближайшим советником, а потом и любовником Софьи. Удержи она власть, Василию открывалась прямая дорога в цари.

Его двоюродный брат Борис Алексеевич Голицын, отправился в противоположный лагерь, к Петру, где очень быстро приобрел авторитет и стал доверенным другом и наставником молодого царя.



Борис Голицын

Таким образом, как бы ни сложилась политическая судьба, Голицыны были уверены, что не проиграют.

– А на самом деле как получилось?

– На самом деле оба брата летали высоко, и дела вершили большие... Но удержаться у власти не смогли.

– Ума не хватило?

– Нет, виной тут не их личные качества, а... Впрочем, это длинная история, расскажу как-нибудь в другой раз.

Третье, самое впечатляющее открытие поджидало нас непосредственно под крышей отведенного для нас дома. Там, на чердаке, среди старых сломанных вещей и покрытых пылью ящичков, вездесущий, подвижный как ртуть Серега, раскопал три старых иконы.

Радостный вопль, который издал удачливый кладоискатель, переполошил всех. Так что с чердака Серега спускался, как триумфатор, окруженный всеобщим вниманием.

– А это старинные иконы? – волновался Слава Филиппов, когда мы расчистили стол и водрузили на него коробку с таинственной находкой.

Во всеобщем молчании я бережно извлек из ящичка первую «черную доску». Ее покрывал латунный, блестящий как золото, оклад хорошей работы. Но само изображение, просматривающееся сквозь прорези в металле, почти совершенно, до черноты, потемнело. Лишь по окладу можно было догадаться, что перед нами икона, называемая «Господь Вседержитель».

– Тут надо почистить, – торопился высказать очевидное Сережа Иванов, и делал в воздухе какие-то движения, долженствующие обозначать процесс очистки.

– Думаю, в первую очередь нужно снять оклад. Кто-нибудь принесет мне пассатижи?

– Возьмите бинт, – Оля Лукина через головы столпившихся мальчишек протянула мне стерильную упаковку. – Вам же нужна будет чистая тряпочка...

Пассатижи были доставлены в рекордный срок (суета первого дня, как оказалось, прошла не без пользы).

Аккуратно, стараясь не повредить старое дерево, я ножом подцепил оклад в том месте, где в него был вбит маленький гвоздь. Не с первой попытки, но все же удалось приподнять проржавевшую шляпку на пару миллиметров. После чего я захватил ее пассатижами и извлек.

Процедуру пришлось повторить несколько раз с каждой стороны оклада, после чего металл освободился, и мне удалось осторожно снять его.

Все головы склонились над иконой, полностью перекрыв мне поле зрения – теперь я видел только склоненные затылки.

– Ну, и ничего не разобрать, – разочарованно протянул Слава.

– Дурак, – пренебрежительно отозвался Матвеев. – Старинные иконы всегда черные. Это главный признак того, что они подлинные и значит дорогие.



Скинхед Матвеев

– О, дорогие! – воспрянул переживавший за свою находку Сергей. – А сколько может стоить такая икона?

– Боюсь, тут потребуется эксперт... – задумчиво протянул я. – Ценность иконы определяется не только ее возрастом, но и качеством письма. Так что для начала, думаю, нам придется ее раскрыть.

– Как это раскрыть?

– Так реставраторы называют процесс удаления старой потемневшей олифы. Вот этот черный слой – старая олифа. Ею покрывали иконы, чтобы защитить их от внешнего воздействия. Но олифа со временем темнеет, и изображение становится практически неразличимо. Как здесь.

– А чем можно снять эту черноту?

– Кхм, – ответил я. – Пока не знаю. Но есть кое-какие предположения... А пока давайте просто очистим ее от пыли.

Приняв от Ольги мисочку с водой, я обмакнул туда сложенный бинт и бережно провел тканью по темному лику иконы.

В тот момент, когда влажный бинт соприкоснулся с потемневшим красочным слоем, изображение словно бы проступило из глубины, проявилось.

Всеобщий выдох сопровождал этот мимолетный процесс.

– А надпись,.. давайте посмотрим надпись, – прошептал Иван, который, как оказалось, стоял, тесно прижавшись, у меня за правым плечом.

Я послушно переместил руку с влажным бинтом в нижний угол иконы. Туда, где согласно чеканке оклада, должна быть изображена раскрытая книга.

Чудо повторилось. Снова влажное касание выявило скрытый во мраке узор. Изображение как бы на минуту всплыло из глубины доски и тут же, как только испарилась пленка воды, исчезло. Словно утонуло.

– Давайте еще раз, – нетерпеливо потребовал Иван. – Я запишу.

Я снова провел рукой с бинтом и продиктовал проявившиеся буквы:

– «Придите ко мне все труждающиеся и обремененные».

– Стандартная формула, – заметил Илья Юдин. – Можете не мучаться, на окладе отчеканен этот же текст.

– На окладе буквы крупнее, – не согласился Али. – Значит, вся фраза там не убралась.

– «И я успокою вас», – продолжил я, не прекращая манипуляций с бинтом.

– Сказал же, стандартная формула.

– Там еще что-то, – нетерпеливо толкал меня под руку Иван.

– «И возьмите иго мое на себя».

– Что?!

Я, сам не до конца поверив прочитанному, еще раз взмахнул влажным бинтом нижней части надписи и вынужден был повторить:

– **«И возьмите иго мое на себя».**

Потрясение, которое испытал Иван, было так очевидно, что заволновались и остальные.

– А что такое «иго»? – степенно поинтересовался долговязый Женька Яковлев.

– Татаро-монгольское иго, – пискнул вертлявый Серега.

– Согласно словарю Даля, «иго» – это бремя, ноша. Или чужеземное владычество, угнетение, – пояснил эрудированный Илья.

– Слово «иго» в значении «угнетение» впервые было употреблено в 1275 в одном из церковных посланий. Так что логично предположить, что во времена Христа...

– То есть он говорит: «Возьмите ношу мою на себя», – прошептал Иван.

– Ничего себе, – прогудел Яковлев. (У него голос ломался, так что иногда он звучал как басовая труба).

– А какая у него ноша?

– Ну это... Спасти мир.

– Да, – кивнул Никита Фомин. – Это крепкую шею нужно иметь, чтобы такую ношу принять на себя...

Глава 6

Вечер преподнес еще один сюрприз, на этот раз неприятного свойства. В тот момент, когда мы умиротворенно завершали ужин, к нам прибыл милиционер.

– Так, здравствуйте, ребята, – сказал он, появляясь на пороге в полной форме и извлекая из планшетки какие-то бумаги. – Кто из вас будет Дмитрий Новиков?

У меня нехорошо екнуло сердце.

В последовавшие пять минут выяснилось следующее.

Оказывается, предыдущей ночью, когда все мы, как мне казалось, мирно отошли ко сну, наши побратимы Дмитрий Новиков и Андрей Зимин, вылезли в окошко и отправились на автостоянку возле завода. Там, на беду, скопилось довольно много машин, и мальчики получили возможность продемонстрировать свою высокую автослесарную квалификацию.

Нет, они ничего не угнали. Напротив, разговорившись с водителями, ночующими в автофургонах, дали старшим товарищам несколько ценных советов. А гражданину Хачатурову О. Е. даже помогли отрегулировать двигатель.

– В чем же проблема?

– Гражданин Хачатуров в своем заявлении указал, что «втершись в доверие, злоумышленники, отзываются на клички Дрюня и Димон, велели ему испортить тормоза. В результате машина гражданина Хачатурова разбита, а сам он получил телесные повреждения. В связи с этим Хачатуров О. Е. требует возмещения материального и морального ущерба на общую сумму 500 тысяч рублей».

– Он что, дурак совсем? – не выдержал Дмитрий.

– Помолчите юноша. Еще предстоит разобраться, кто здесь дурак.

– Простите, а как получилось, что тормоза были испорчены? – вмешался я. – Что значит «велели испортить»?

– Сам Хачатуров поясняет обстоятельства дела так: дескать после того, как ему отрегулировали двигатель, причем очень качественно, он обратился к парню по кличке Димон с вопросом: «Как устранить скрип тормозов?» Ну, действительно, машина при торможении издавала резкие и неприятные звуки, поэтому, заботясь о покое окружающих...

– А у него что, совсем мозгов нет? – снова не выдержал Дмитрий.

– Не знаю, у кого что есть. Факт в том, что вы, юноша, посоветовали ему смазать тормозные колодки солидолом.

– Но это же шутка, дураку ясно.

– Вам может быть и ясно, но утром гражданин Хачатуров, смазав, как велено, тормозные колодки, легко разогнался на отрегулированном моторе и уже через пять минут врезался в кирпичный забор. Надо отдать должное – тормоза при этом не скрипели.

Раздалось сдержанное хихиканье. Даже я вынужден был фальшиво закашляться и прикрыться руками. Милиционер же рылся в своих бумагах и сохранял каменное лицо.

– Простите, – овладев собой, решил уточнить я. – Гражданин Хачатуров смазал колодки солидолом сам или его к этому принудили?

– Да сам, конечно, – махнул рукой сотрудник правоохранительных органов. – Самостоятельно и совершенно добровольно. Но мужик он скандальный, а машину вообще разбил в пух, проще новую купить. Чудо, что сам не убили! Кстати, забор тоже пострадал, так что его владелец также жаждет возмещения...

– Но простите, – перебил я. – Мне кажется, что гражданин Хачатуров...

– Не надо мне объяснять про гражданина Хачатурова! – хлопнул рукой по столу милиционер. – Вы свое поведение объясните.

– Но во время аварии мальчики даже близко не присутствовали.

– А вот это вы расскажете в суде. Когда адвокаты Хачатурова в вас вцепятся. В общем вы, молодые люди, пишите объяснительные. А с вами, Артем Николаевич, я хотел бы переговорить наедине.

Мда, что-то в последнее время у меня зачастило общение с представителями правопорядка...

Вечером, когда все, послушные, как зайчики, улеглись спать (Владимир Александрович обещал, что они будут слушаться – еще бы, над каждым срок висит...), я решил учесть ошибки прошлого и не уходить в свою каморку до тех пор, пока парни не уснут.

Чтобы уверенно контролировать процесс, я принес табуретку с кухни, сел в дверях, выключил свет и сообщил:

– Теперь каждый вечер, до полного отбоя мы будем с вами беседовать на исторические темы.

– А как это до полного отбоя?

– Пока все не уснут.

– А как вы будете проверять?

– Проверю, не беспокойтесь.

– А какие исторические темы?

– Ну вот, например, попробуйте ответить на простой вопрос: чем человек отличается от животного?

– Человек ходит на двух ногах, а не на четырех.

– А кенгуру?

– О да, – вдохновился Сережа Иванов. – А еще тираннозавры! Они тоже были на двух ногах!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.